

Иррнейская месль
длинною в жизнь

Иднистер Вячеслав
Семифранова Юлия

Вячеслав Мунистер

Пиренейская месть
ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мунистер В.

Пиренейская месть длиною в жизнь / В. Мунистер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Маленький человек перед машиной войны и государства — кто окажется сильнее? Когда крепость веры в свои идеалы вступает в бескомпромиссную схватку с умелым внушением. Роман, раскрывающий суть персонажей шаг за шагом.

Содержание

Дебют.	6
Саша.	7
Маргарита.	8
Георгий.	9
Николай.	10
Рискованный полет.	11
Такие хрупкие мы.	14
Часть 2. "42"	24
Боль прошлого.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Часть 1. "36".

Дебют.

Это был один из лучших дней в нашей жизни. Завершилось обучение в летной школе в Подмоскowie. Позади осталась череда экзаменационных испытаний. Долгая и трудная дорога во имя мечты детства. Мечты о великолепном синем небе, небе с облаками и без, небе мирном и бушующем. Главное – лишь его покорить. Мы уже летали на собственных воздушных кораблях, оттачивая мастерство обуздания железной машины. Хотя и не совсем железной. Целиком цельнометаллических машин в ту пору было мало. Наша авиашкола была одной из крупнейших в стране. Приходилось бывать на иных полигонах, но они уступали этому. К нам приезжали в гости все видные люди и даже сам товарищ Сталин. Правда нас его визит не застал: как раз в тот день выезжали на соревнования в Ленинградскую область. Время учебы запомнилось с огромной радостью и весельем.

Наша группа состояла из пятнадцати летчиков и летчиц. Среди них бы и я, ваши почтенный слуга. После получения документов о завершении обучения, как и все обычные люди, направились это бурно праздновать, наравне с другими выпускниками из параллельных групп. Наша летная школа находилась около военного аэродрома, близ которого, всего в двух километрах, находился город. Здесь все было связано с авиацией. Неподалеку, всего в получасе езды на автомобиле по грунтовой дороге, находился другой город, в котором и разрабатывались самолеты. Там было целое научное бюро или институт. Более подробной информации не припоминаю, ведь прошло с того времени уже сколько лет. Но прекрасно помню тот выпускной вечер при дворце трудящихся в этом городке. Помню те смешные, по современным меркам, украшения в виде лампочковых ветвей, раскиданных по столбам телеграфным и некоторым деревьям. Помню момент, когда нам, совсем еще молодым юношам и девушкам выдали крайне простенькие дипломы на обычной офсетной бумаге. Помню тот почти что деревенский и полный гостеприимности и простоты вечер, где на площадке перед дворцом – который в годы войны будет уничтожен всего одним авиационным снарядом, ввиду своего деревянного строения и достаточной шаткости – мы сидели и мечтали о будущем. Кто-то о полетах в Антарктиду и Арктику, кто-то и вовсе о космосе. Была такая эпоха, эпоха романтиков авиации. Среди выпускников были и группы инженеров авиации, было даже отделение связистов. А потом происходил балл, красивая музыка, счастливые лица ставших уже близкими людей, прекрасно проведенный вечер и ночь. И дело вовсе не в алкогольных напитках, дело в том самом неповторимом настроении, которое бывает не так уж часто и не у всех. Но мы ведь не об этом говорим. Не о стамесках настоящего.

Саша.

Так вот, было нас четверо, близко знающих друг друга и рожденных с разницей в пару месяцев. Начну же свой рассказ с повествования о себе любимом.

Родился я в поздний ноябрьский день, дай Бог помню какого года. Да и не нужна вам эта нелепая лишняя информация. Родился и родился. Сам я из города Симбирска, более знакомого вам по фамилии вождя мирового пролетариата – Ульяновска. Однако, родившись и пробыв там всего пару месяцев, я навсегда покинул отчий край. Мои родители – Прасковья Михайловна и Константин Ульрихович в канун Рождества Христова переехали жить в Подмосковье. Данная ситуация возникла по причине того, что в Ульяновске нам были не рады, за неимением собственного жилья у молодой семьи, жили с родней. А я нещадно вопил и мешал почтенной семейке дядьки Федора. А тут умирает прабабка моя, и из-за этого трагичного действия нам перепадает ее весьма недурной дом в Подмосковье. Прабабушка была состоятельной женщиной в прошлом веке и была женой богатого московского купца. Но овдовела по причине подрыва то ли революционерами, то ли врагами своего мужа. Не припоминаю его имени, но свечку в церкви ставлю, как насильственно убиенному. Озорной я быстро рос и быстро познавал окружающий мир. Первой преградой был дом с несколькими комнатами, который отец постоянно приводил в лучшее состояние – у него была большая страсть к столярному мастерству, как и у моего деда, то есть его отца – Ульриха – обрусевшего немца из какой-то знатной семьи. Отец делал прекрасные игрушки и поделки из дерева и мы их даже продавали в другой город. Годы были трудные, а люди между прочим брали. Даже помню пред Новым Годом ездили в Москву–матушку, помню, как сейчас, лет семь было, я тогда еще с саней упал и ушибся на обратной дороге, тогда так хорошо напродавали, что отец мне даже пальтишко купил.

С детства помню, лежу в канаве или на поляне, близ соседского огорода, там такой холм был и дуб старый, смотрю в небо. Птица летит, а я про себя думаю: "Чего я не птица, чего не летаю". Небо мне нравилось сильно. Мог смотреть своими голубыми глазами на синее небо часами, что мать даже ругалась: "Ишь какой бездельник, лишь бы поваляться!" Грамоте был обучен задолго до того момента, как школу нам открыли. Отец грамоту хорошо знал, он на дереве выпиливал надписи красивыми буквами, само загляденье было. Помню то время, запах дерева в доме, знал все деревья и древесину плохую аль хорошую. Позже в поселке открыли лесопилку, хотя леса у нас в крае было не сказать, что много. Видать, с других районов свозили. А еще спустя пару лет отец стал ее директором. Денежки появились. Жить стали лучше. Свили, так сказать, свое гнездышко. Детей больше в семье не было, поэтому мне уделялось достаточно внимания и заботы. Отдан я был в школу обычную, а затем, после нескольких лет разных работ, и в летнюю школу, что в километрах восьми от нашей большой деревни. Как-то так, если имена попутал, извините, родные мои, память шалит, ась давно это было. Ах, ну да, зовут меня Александром, по отчеству звать не надо, все тут свои.

Почти всю мою жизнь со мной было три товарища. Николай, Георгий и Маргарита. Это все мои соседи, и путники по детству и юности.

Маргарита.

Маргарита рано лишилась матери, ее забрала бушующая в то время испанка. Безутешный отец поначалу отстранился от дочери, поскольку она напоминала ему жену, и предавался горю в одиночестве. Но вскоре смог превозмочь себя и стал любить её пуще прежнего, уделяя максимум внимания, которое только мог себе позволить военный инженер. Девочка много времени проводила, наблюдая за отцом, иногда помогая ему в работе – в эти мгновения они особенно спланивались, и она испытывала какой-то неженский интерес к техническим вещам. Да и что уж говорить, замашки у неё тоже были пацанские: могла поставить на место дворовых мальчишек, если те пытались её задирали. Её боялись и уважали, несмотря на весьма миниатюрные размеры и вполне милое личико девочки юных лет.

Ни о какой мужской профессии речь, конечно, не шла. Маленькая Маргарита росла очень разносторонним человеком, весьма артистично они проводили вечера: она вставала на табуретку и начинала пародировать общих знакомых, да так похоже, что ощущалось их присутствие в доме, до того точно улавливались мельчайшие детали характера, манеры речи и поведения.

Особое удовольствие ей доставляло, когда отец подхватывал её на руки, поднимал над головой и начинал кружить. Она весело смеялась и чувствовала свободный полет, как птица. И всегда просила повторения аттракциона. Ее никогда не укачивало, не было ни малейшего чувства дискомфорта от кульбитов. И так она кружилась, пока не стала слишком тяжелой для подъема на руках. Этого ощущения невесомости и парения ей потом очень долгое время не доставало.

Будущее для девушки было уготовано: либо замужество, либо карьера артистки (к чему имелось несомненная склонность). Но ей все время казалось, что создана она для чего-то большего.

Все изменилось в одночасье, когда отец взял девочку поглядеть на асов воздухоплавания. Это было уникальное в своем роде мероприятие, которое не повторялось после почти век, несмотря на усиленное развитие авиации. Это было нечто, что потрясло юную Маргариту до глубины души, наверное, с того дня она дала себе зарок стать частью этого мира, догнать и превзойти королей воздуха, о сложностях преодоления профессии, особенно для женского пола, ей было тогда невдомек. Ведь что такое реальность перед лицом мечты и юной жажды?

Черед аэропланов, гидросамолетов, дирижаблей, вертолетов пронеслась у неё перед глазами и кружила голову. В тот день, вечером, уже дома в своей полутемной комнате, под светом слабой лампы, она портила глаза, рисуя их взапой, пытаясь запечатлеть максимально точно все увиденное, а главное, оставить свой эмоциональный след на бумаге, так боялась она этот день забыть. Ведь все казалось ей нереальным.

Георгий.

Георгий был наиболее степенным среди нас всех. И безэмоциональным. Правда, это вовсе не означало его безразличия к другим – нет, отнюдь, помню несколько жизненных ситуаций, прошедших в нашем детстве, где он меня выручал. Он жил в соседнем доме, прямо напротив, по улице нашей, веселой, вишневой. . .

Впервые мы узнали друг о друге, было мне года так четыре–пять, моя собака, имя которой не припомню, залезла к ним на огород, и я пошел ее искать, так и столкнулись мы лбами, на его огороде. . .

Забавная была ситуация. Он лезет ко мне, а я к нему, ну тут драки точно не избежать, он не Бог весть что мог подумать: что на огород лезу яблоки воровать или чего похуже. Но тот только похлопал по плечу и рассмеялся, глядя на мой испуг, еще и собаку помог отловить. Свой в доску парень.

Ему на роду было написан путь в военные: дед артиллерист, отец военный, служил на Черноморском флоте капитаном корабля, дисциплина у самого Григория была идеальная, усидчивый, сообразительный, спокойный как мамонт, ничто, пожалуй, не способно было вывести его из колеи.

Николай.

Николай рос в деревне и впитал, кажется, с молоком матери запах сена, клевера и домашней живности вперемежку с ароматом томленной в русской печи каши и бабушкиных пирожков. Он был простым парнем, очень открытым, иногда грубоватым с широкой улыбкой и копной светло-русых непослушных волос. Никто и подумать не мог, что этот простой соседский парень решит взять и оставить тихую размеренную жизнь, рванет в город, да еще и добьется таких высот! Станет в один ряд с первопроходцами новой перспективной профессии летчика. Над ним посмеивались, отговаривали, он только хмурил лоб и бубнил себе под нос, что он мужик и лучше знает. Это выходило весьма забавно. Ах, сколько девичьих сердец было разбито, когда он уехал, а сколько было покорено, когда впервые надел летную форму, обрел нужную выправку и засверкал новыми красками. Но не утратил своей самобытности и никогда не забывал корней.

Николай был прилежным учеником, усваивал медленнее остальных, но брал напором, нахрапом и никогда не сдавался, если что-то шло не так. Просто запирался у себя в комнате и учил, нагонял, чтобы не посрамить свою родню и свою страну.

После занятий часто развлекал ребят своими песнями, да так, что ноги пускались в пляс, играл он на баяне отменно.

Благодаря таким разным и все же объединенным в единое целое общей любовью к небу ребятам, учеба проходила легко и оставила самые теплые воспоминания.

Рискованный полет.

День был не днем даже, а больше похожим на ночь: тучи надвигались с большой скоростью, поглощая собой солнце. В этот день практические занятия отменили из-за погоды и учащиеся отпустили в свободное плавание. Это обрадовало всех, кроме, пожалуй, Маргариты. Она хотела летать. На моем присутствии она не настаивала, но разве мог я бросить даму наедине с ее желанием натворить глупостей?

– Ну разве это грозные облака? Смешно. Ненастья серьезного сегодня не будет, можешь мне поверить, я наблюдаю за ними с раннего детства, видишь, птицы не летают низко, а парят высоко? Значит, все быстро пройдет, а дождик если и будет, то небольшой и не помеха полету. За нас слишком переживают... Предлагаю небольшую воздушную прогулку, об этом от меня никто не узнает, клянусь честью летчика!

В такую ненастную погоду полеты были строго запрещены. Но что для мужчины запрет, то для женщины – вполне нормально. И все же тот самый полет состоялся. Ненастье было с отсрочкой по времени, и поэтому, недолго думая, решились на авантюру. А поскольку начальство уехало в Москву, то вскоре заревел двигатель воздушной машины, оставленной почти без присмотра.

Еще буквально через минуту, самолет вышел на взлетную полосу и, не встретив никаких помех со стороны, начал свой разгон. Вскоре самолет с двумя смелыми героями на борту начал набирать высоту. Конечно, не так внезапно и быстро, как это делают сейчас современные истребители, тем не менее, еще через пару минут самолет поднялся на уровень, примерно равный тысячи метров.

– Куда полетим? – спрашиваю с надеждой, что она все же передумает.

– Куда глаза глядят! – Весело рассмеялась Маргарита. – Да побыстрее, а то нас нагонит дождь!

– Предельная скорость, моя капитанша!

Топливомер показывает полную загрузку топливом. Эх мы, а если бы его не было. Я даже не глянул!

Тем временем сзади уже все заволочло все небо и дождевые тучи буквально преследовали по пятам. Вертикальное дождевое полотно закрыло остатки солнца, а набежавшие тучи ухудшили обзор и ориентировку.

– Посмотрим, кто из нас умеет летать! – бросила вызов Марго, вцепившись в штурвал.

– Давай постреляем с ШКАСа? Там косяк птиц в паре километров, заодно отпугнем, – зачем-то предложил я, хотя в жизни и мухи не обидел.

– Глупо. Зачем убивать невинных птиц, ведь они по природе наделены тем, что мы навесываем машинами...они свободны от рождения и могут летать там, где захотят.

– Похоже погода резко ухудшается. Давай сделаем круг на двадцать километров и вернемся. Может накрыть, судя по температуре за бортом, где-то идет град – похолодало. А град вещь опасная.

– Вернемся обязательно! Но сейчас это неразумно: мы попадем в самую пучину ненастья. Лучше оторваться немного вперед, а потом повернуть на северо-восток, видишь, как ветер быстро меняется? Тогда больше шансов не попасть в этот водоворот.

– Но там ведь тоже облака. Да и это ведь территория соседней военной базы, могут не понять. Предлагаю повернуть на юг.

Поворот совершить не удалось. Попали в зону линии электропередач: сверху провода, снизу провода, а еще эта база впереди. Маргарита явно занервничала, и начала петь какую-то дурацкую песенку.

– Надо подниматься, мы сильно растеряли высоту, пока говорили. Говорил же – метров пятьсот, зачем было спускаться до самой земли. Черт...

Марго помалкивала, это было не похоже на нее: напористую, уверенную, смелую. Если бы не дождь, можно было бы сказать, что на ее щеках слезы.

– Хорошо, ты прав, поднимаемся!

– Сейчас постараюсь пройти эту линию. Я ведь говорил – не стоило так делать. Пересаживайся или доруливай, вот там смотри: указатель – озеро. Туда веди.

Начинается град.

– Посмотри вверх! – в который раз пожалел, что не отговорил Маргариту от полета.

Буквально за минуту с севера повеял сильный ветер и перекинул активную зону градовых осадков прямо на нас.

– Будь моими глазами, следи за компасом, я постараюсь маневрировать максимально аккуратно! – говорила уже более покладистая "капитанша".

– Хорошо, давай, возвращай машину, градины приличные, мы прямо в зоне небесного огня. Сейчас еще фанеру побьет!

Провода пронеслись буквально в нескольких сантиметрах от нас.

– Нужно будет серьезно поговорить с моей знакомой бабкой–метеорологом, дала она маху на этот раз, – язвительно заметила Марго.

– Увеличивай скорость и иди на базу. Хорош уже, погуляли – сейчас еще заболеем. Холодно, елки–палки! Час назад было градусов на пятнадцать больше, что за лето такое странное... Постоянные перепады. Рули на третью полосу.

– Ну что ты ноешь, как девочка, вот посмотри на меня, я же ничего не боюсь.

Марго заметно бодрилась, но видно было, что еще не оклемалась от пережитого стресса. Тем не менее исполняла все советы своего командира.

– А ты глянь, как по стеклу градины падают, легко могут наш учебный самолет побить.

– Ну что ж, нам нужно уйти в отрыв, видишь, сзади уже проясняется, нужно только поймать нужное направление и уйти от гонимых ветром облаков. – На этих словах Маргарита предприняла опасное маневрирование, кабину качнуло сначала в одну, потом в противоположную сторону, так, что дух захватило, но потом смогла выровнять самолет и привести к стабильному курсу полета.

– Готовься к посадке. Не стоит играть с погодой на такой фанере. – сказал я. – Ты смотри как его качает. Уменьшай скорость.

– Не вижу землю, все заволочло дождем.

– Малый налет у тебя, Марго, когда летаешь подольше, нутром будешь чувствовать землю! Слушай меня, я сориентирую курс.

–И влетит же нам, что самолет не на базе... Но будем надеяться, что успеем вернуться до обнаружения пропажи.

– Раньше надо было думать об этом, сейчас что уж там.

Посадка прошла довольно мягко, при снижении поверхность земли обрисовалась почти четко. Однако остаться незамеченным этому полету было не суждено. Нас встретил разгневанный начальник части и потребовал объяснения, почему без разрешения, да еще и в нарушение всех инструкций в нелетную погоду был самовольно взят самолет. Совершен непоправимый проступок с риском для своей жизни и целостности вверенной нам техники.

– Чья это идея была, черт возьми, я требую объяснений немедленно! – негодовал он.

Марго раскраснелась не то от страха, не то от злости и пыталась собраться с духом, но получалось только хватать воздух ртом, ведь она понимала, что такой проступок мог грозить отчислением и краху мечты всей ее жизни.

– Больше не повторится. Цель – совершенствование навыков полета без определенных учебных задач, – не знаю, откуда во мне нашлось столько наглости для такого дерзкого

ответа... – Если есть какие-то претензии, наказывайте меня. Но, товарищ Сухов, больше бы таких экспромтных вылетов – это весьма повышает навыки вождения.

– Вы слишком много на себя берете, юнцы, еще не оперились, а уже возомнили себя черт знает кем, вы просто–напросто могли погибнуть из-за вашего безрассудства! А отвечать за вас нам.

– Никто ничего не заметил. Более того, мы направили просьбу в министерство о добавлении к учебному плану подобных самостоятельных вылетов в любой момент времени, обосновав важность данных мероприятий, – продолжал я губить свою карьеру своими же руками.

Начальник сделал максимально суровое лицо и наклонился к моему уху: "Так кто же вел самолет? Вы будете несомненно наказаны оба за дерзость, но тяжесть наказания зависит от вины каждого из вас в отдельности. И уже дальше я буду решать, допускать ли вас до дальнейших испытаний или же нет". Он отошел от моего уха, а оно продолжало гореть, то ли от стыда, то ли от его жаркого дыхания.

Командир не отпуская цепкого взгляда, переводя его с меня на Маргариту и обратно.

– Итак, кто же вел самолет?

– Вели оба. И говорить больше нечего. Я более чем рекомендую включить подобные внезапные вылеты учащихся во имя улучшения навыков овладения техникой. Честное советское – вас еще наградят, если мы выпустимся мастерами своего дела. А для этого нужно летать в экстремальных условиях, кто знает, с чем нам придется столкнуться на службе.

– То, что вы вернулись невредимым – заслуга не ваша, а какое-то дьявольское везение. Хвалить вас абсолютно не за что. А теперь марш отрабатывать провинность, вы отлучены от полетов на неделю, будете копать рвы и чистить картошку, а также выполнять более неприглядные обязанности по уборке территории. Там и научитесь дисциплине. А решать вашу судьбу будет специально созванная комиссия. Такого на моей практике еще не было. А теперь марш с глаз моих долой!

– Так точно, будет исполнено, – перечить ему уже было бесполезно.

– Слушаюсь, командир, – промямлила убитая Марго.

Когда он удалился, она не сдержалась и, наконец, расплакалась.

– Прости меня, что втянула в это сумасбродство, но я помыслить себе не могла и дня без неба... его не должно было быть на базе сегодня...

– Все нормально. Я не вижу ничего плохого в этом. Я испугался лишь за погоду – не хотелось бы из машины сделать решето под действием градин. Когда мы уже будем делать самолеты из цельного металла...

– Ха-ха-х, – слабо рассмеялась Марго, – а ты меня спас, спасибо, я этого не забуду, – подмигнула и убежала прочь.

Такие хрупкие мы.

Это было лето 1936-го года. Господи, как же давно это было. Все последующие две недели мы занимались тем, что старались получить направление на работу. Легче всего, как оказалось, было группе технического обслуживания – младшего звена инженеров авиации, их сразу и целиком забрал ближайший исследовательский институт, о котором я говорил ранее. А вот с нами были определенные проблемы. Гражданская авиация нас не брала, а военные не торопились. Да и мы хотели попасть на работу в одно место, так как в основном знали друг друга еще с самых детских лет. Как говорится, с бумажных корабликов, в лужах весной, по нашим грунтовым просекам в поселке. В нашей летной группе нас таких с поселка Вахрушево, что близ Подольска, что, как вы уже понимаете, под Москвой, было четверо. Одна девушка и три парня. Все мы учились в одной единственной школе, которую только открыли в год, когда мы в нее пошли. А было это как в конце двадцатых годов.

После недолгого обучения грамоте и прочим базовым вещам мы работали подмастерьями одно время на кирпичном заводе, одно время вместе с семьями на сборе урожая. Сейчас в это трудно поверить, что еще в мою школьную пору учились не по десять лет и в школу необязательно нужно было идти в шесть–семь лет. Ох, что же это я все ностальгирую! Вы это и так все знаете наверняка. Ведь в каждом вашем городе есть краеведческий музей, и, скорее всего, там найдутся экспонаты первых советских массовых школ, и те самые чернила, и те самые парты из дуба или ольхи, пропитанные запахом настоящего дерева, а не то что сейчас, как у внучки в школе – некое подобие дерева из опилок.

После эйфории летной школы Марго захлестнули серые будни, мечта ударилась о суровую реальность, в которой пока еще не было места женщинам – пилотам. Очень скоро эта мужская монополия будет разбита, но, увы, не сейчас. Контора за конторой отказывали ей в трудоустройстве, намекая на неженское занятие. Устроиться летчицей – спортсменкой тоже было непросто, нужен был свой летательный аппарат и прочие немалые расходы, а средств было в обрез. Отчаянное сердце не знало преград, но пока было в смятении и не видело выхода из этой патовой ситуации. А тем временем для её друзей из летной школы судьба складывалась успешнее, им грозила неплохая карьера в авиации, что вызывало у неё белую, но зависть и тоску.

26 июня 1936 года проходил большой концерт для всех военных летчиков в честь пятидесятилетия летной академии. Данное мероприятие решили провести не у себя в доме культуры, а в Подольске. Там и дворец был побогаче, и администрации, и прочим военным вышкам было ближе. Также удостоили своим вниманием данное мероприятие и выпускники летной школы. Среди них была и группа наших ребят, только-только отпраздновавших свой выпуск и занимавшихся поиском работы. И все на повал умные и образованные в своем деле. Часть из них уже была распределена по стране, но большая оседала на одной из многочисленных баз и прочих учреждений при министерстве обороны по Московской области. Но все же большинство мечтало о карьере военных летчиков.

Концерт поставили на шестнадцать часов и наша веселая компания, которую вы уже и так знаете, собиралась на него. Маргарите недавно подарили прекрасное ситцевое синее платье, проблема была одна – с обувью, но и та решилась. Конечно, взятая у подруги пара каблуков не самый лучший вариант, особенно когда на размер меньше. Но красота требует жертв.

– А я летчица, мне тем более не привыкать к трудностям. Давит маленько, но я почти не замечаю этого, – благодарила Марго подругу за столь щедрый дар.

И вот, спустя примерно десять дней, нам дали направление на работу военными летчиками, и как нам повезло – весьма недалеко от нашего города и всем нашим практически в одних и тех же местах. Повезло и нашей компании – нас направили в одну эскадрилью осваивать новые самолеты, тем самым самообучаясь и помогая родине проверять и совершенствовать новые машины.

В последний июньский день, хочу сказать невыносимо жаркий день, отправились всей гурьбой на полуторке в составе пятнадцати человек верхом и без комфорта, отправились впервые по направлению к первому рабочему месту, к которому стремились всю свою сознательную жизнь. Была определенная напряженность, легкий страх перед неизведанностью. Все же это была военная база авиации, там не могло быть озорного поведения и приходилось моментально настраивать себя на более серьезный лад. Хотя, с другой стороны, мы тоже жили в летной школе на полуказарменном режиме. Пыль стояла в тот день жуткая – дождей примерно месяц не было, – все мы были в ней, в частности благодаря тряске, щедро осыпавшей нашу компанию. Попало даже водителю. Вскоре доехали в пункт назначения. Увиденное поразило своей масштабностью: целый парк новеньких самолетов, да и пропускной режим вселял ответственность – чувствовалась мощь охранных мероприятий. Нас встретили, попросили предоставить сопроводительные документы. Поздней завели в один из корпусов административных учреждений и начали проводить первичное собеседование. Все прошло успешно для нас, и к концу дня мы уже осваивали военную часть.

Рассказывать о первых днях в качестве военных летчиков "младшего звена" не вижу смысла – удачно и весьма спокойно.

Вот и наступил сентябрь, все встало на свои места, налеты у всей команды уже были приличные, получили даже бонусные выходные. Жизнь как жизнь, мир миром. Но вот стали приходить весточки из-за рубежа. В Испании началась гражданская война. И не просто началась, а стала широкомасштабной. Впервые об этом узнали из газет. Поздней начались дискуссии уже и внутри нашей военной части. Мы прекрасно понимали, кто с кем борется и за что, поэтому глупых вопросов о моральной поддержке испанских коммунистов не было. И, спустя небольшое время, нам стало известно, что Советское правительство также решило поддержать испанский народ, в том числе и военном плане, против так называемых и впервые услышанными "фалангистами" – сторонниками тоталитарного режима генерала Франко.

Нам, настоящим молодым коммунистам, была честь и долг помочь республиканскому правительству и мы даже переговаривали между собой о том, как попасть в охваченную войной против капиталистов – Испанию. И да, наша мечта, чтоб попасть туда – осуществилась. Чья наша? Нашей компании закадычных друзей – меня, Георгия, Николая и Маргариты. Кроме нас еще трое выходцев из летной школы удосужились попасть в первую советскую группы военных летчиков и специалистов. Попасть туда, скажу вам, было настоящим чудом. Особенно таким новичкам, как мы. Тут уже было дело случая и везения. Конечно, все мы с отличием закончили военную школу. Вообще из всей группы нашей с отличием летную школу закончило примерно восемьдесят процентов. "Вот это результат", – скажете вы. Отвечу вам: "Когда есть желание, и не такое предел".

Проводился определенный конкурс, как мы потом поняли, под попечительством главных силовиков, с отбором группы опытных и менее опытных летчиков с отличной репутацией и хорошей характеристикой. Наша часть забрала большую часть квоты, примерно пятьдесят мест. Часть была очень большой, постоянно тут работало несколько тысяч человек, самолеты все поднимались небо, что днем, что ночью. Маргарите был доручен истребитель И-15, кото-

рый был знаком нам еще с времен обучения, а нам, парням, И-16 напоминавший И-15, поэтому особых проблем не было, и мы практически ничего нового для себя не узнали, показав высокий уровень уже на первой аттестации в конце августа месяца.

Мы написали просьбу на выезд в Испанию первыми вообще среди части. Но нас не хотел брать начальник части, как помню, толстый такой дяденька с усами, как у товарища Буденного, полковник авиации Головин Ерофей Иванович. Он собрал на семерых, всю нашу группу, попавшую по разделению сюда, и сказал:

– Ребята, это война. Не стоит там вам быть. Зачем вам это? Подучитесь, семью создайте, а потом уже имеете право. Вы только из академии, куда вас. Я понимаю, вы все очень сильно себя показали, но все же. Я не принимаю решений по этому вопросу, но хочу сказать, что буду против, просто потому что есть люди поопытней и мне вас будет жаль и ваших родителей, если с вами что-то случится.

– Но ведь все может быть и с другими. Но так не отстоять честь пролетариата в борьбе с капиталистической гидрой, ведь пока мы с вами говорим, они убивают кровных нам по духу людей, и если государство наше советское соизволило нас пригласить на добровольную борьбу и помощь Испанскому народу, то мы не можем не помочь, – парировал Георгий.

– Я хочу пополнить ряды Сталинской авиации, готов отдать все силы и здоровье нашей Советской Родине, коммунистической партии, – твердо стоял на своем Николай.

– Я как комсомолка не могу оставаться равнодушной к беде наших товарищей в далекой Испании и готова отдать жизнь за защиту нашего общего дела! – Маргарита тоже не осталась в стороне.

– Правильно он говорит, Ерофей Иванович, дайте нам квоту, мы отстоим честь нашей части и нашей страны. Я лично про себя скажу, что не зря просиживал штаны в летном училище и умею управлять самолетом как никто другой, вы не пожалеете, взяв меня и остальных ребят, я за них ручаюсь головой, – ответил я с жаром.

– Очень просим, не отклоняйте нашу просьбу, – хором сказали мы.

Перед таким напором сложно было устоять, и разумеется, от таких специалистов, как мы, грешно было отказываться, несмотря на юный еще возраст. Так мы встали на пути своего первого серьезного испытания в летной карьере.

Первые советские авиационные специалисты прибыли в Испанию в середине сентября 1936 года. В первую группу бомбардировщиков входило: 30 самолётов, 15 лётчиков, 15 штурманов, 10 стрелков–радиостов, 5 мотористов, 15 авиатехников, 1 оружейный мастер, 1 техник по вооружению, 1 укладчик парашютов и 31 рабочий–сборщик с завода № 22.

Первая группа истребителей И-15 в количестве сорока машин прибыла в Испанию 28 октября 1936 года. В этой группе была Маргарита, а мы немного позднее прибыли с группой И-16. Это было нелегкое время, многое рассказать и сейчас не могу, так как на многих материалах стоит гриф “секретно”. Но в целом путешествие в Испанию произвело сильное впечатление, мы попали туда через Балканы по поддельным паспортам, добираясь к пункту назначения в течение десяти дней. Кое–кто позже рассказывал, что через северные страны добирался. Как перебрасывали технику – не знаю, и вряд ли кто-то расскажет. Но к нашему прибытию в один из небольших городков близ столицы Испании – Мадрида был раскинут достаточно большой полевой лагерь под прикрытием. Советская власть – это я сейчас так говорю – явно особо не хотела “засвечиваться” в данном конфликте, но наша помощь определено была, и приехали мы как раз с этой целью. Антираеспубликанское восстание необходимо было подавлять, и уже с ноября мы начали проводить первые боевые вылеты на удалении примерно сто километров от нашей дислокации.

Очень печально осознавать, что в такой красивой стране происходила война. Мы были по духу военными летчиками, но порой трудно было осознавать, что, скинув бомбу на землю, мы крушим эту страну. Пусть даже врагов, но все же. Испания прекрасна, даже в ноябре, в том самом ноябре, когда у нас, в Подмоскowie, грязь или сильные морозы. Здесь было гораздо мягче и красивей. Впервые тут попробовали апельсины и мандарины. Почты для связи с близкими не было, сказали, что наладят, но пока нет.

Двадцать пятого ноября, как помню, я впервые уничтожил большую группу противника близ крайне интересного по названию города – Хетафе. Это был пригород Мадрида, им овладели националисты немного ранее. Тогда три самолета, среди которых был и мой, уничтожили машины националистов. Не скажу, что было легко, так как летели мы на небольшой высоте и видели этих людей. Но такая у нас работа. Это у каждого человека так. Поздней дебютировали и все наши остальные. Стали замечать и наши советские танки Т-26 у бойцов народного фронта. Начались сильные бомбардировки Мадрида. У националистов были тоже самолеты. Много людей погибало. Впервые мы пролетели звеном из десяти самолетов над красивейшей столицей Мадрида семнадцатого ноября. В ту ночь очень сильно враг бомбил город. Это было прекрасно заметно как с неба, так и земли. Несколько сотен раненых, не менее нескольких десятков погребенных под завалами. Было большое желание отомстить. Но мерзавцы, сделавшие это, исчезли из небесного пространства, и мы с горестью вернулись ни с чем. Сильно переживал Николай. Коля вообще был очень справедливым и честным, даже среди нас всех, и чутким к злу. Я помню его красные от напряжения глаза.

И вот момент наступил. Заработали двигатели, поднялись в небо, пролетаем над Навалькарнеро и Мостолес. Ох, уж эти дивные названия или странные переводы, наспех сочиненные нашими помощниками и помеченные карандашом транслитерацией на русском. Показался и Мадрид. Летим, летим, на удалении всего пятьдесят метров друг от друга. Вскоре стали видны цели: три самолета летело прямо на нас. Несколько мгновений – и они резко начали менять высоту. Попытки маневрировать для них не увенчались успехом: сразу же был подбит и запылал от ударов наших пулеметов самолет, летящий впереди. То был бомбардировщик или его нелепое деревянно – металлическое подобие. И тут последовала ответка – ответный огонь. Очереди пулеметных орудий, направленных в нашу сторону, к счастью, обошли нас, но точность врага была весьма высокой, так как, судя по звуку, зацепило крыло самолета самую малость. Расстояние сокращалось, казалось, что мы оба шли на таран. Пора было делать разворот, ведь идти на неоправданный смертельный риск было неразумно. Противника нужно уничтожить, не повредив себя. Сделали разворот, я работал пулеметчиком, Маргарита – за штурвалом, Коля с Жорой справа. Мы сблизались до расстояния двадцати – тридцати метров и вынудили противника подняться на другой уровень. Поднялись вверх и дальше вновь спустились, поманеврировали, самолеты врага не смогли пойти на нас тараном и полетели назад, в направлении нашего фронта, таким образом удалось обмануть в воздухе этих летчиков, но они все же быстро среагировали и вновь повернули, теперь летели вдогонку нам. Данная ситуация стала еще более опасной для нас, тем более они вновь открыли огонь из крупных пулеметов, и мы теперь летели по направлению к территории противника, оказавшись загнанными в ловушку.

Caut

i

verio/Плен.

– Заешь тебя мышь! Они окружили нас! Смотри, и впереди три самолета – хейнкели, судя по всему. И позади мы не смогли предотвратить, получается, сейчас нас с двух сторон расстреляют!

Начался огонь по нам. Надо принимать решение.

– Марго, веди огонь, что с лентами пулеметными? Я пока постараюсь сблизиться с самолетом Коли и Жоры, надо что-то предпринять. Их минимум пять, три впереди, два сзади, одного мы подбили.

– Ленты на исходе, топливо тоже нужно дозаливать, их слишком много, мы не сможем отбиться, нужно уходить от атаки.

– Пока хватит. Тьфу. Гарь от выстрелов, тошнит уже. Иногда заклинивает затвор – перегревается бедолага. Пока ничего. Все без толку. Они далеко. Таким огнем мы только стараемся держать их на дистанции – дорожат шкуркой, мрази. С топливом беда – хватит минут на тридцать в таком этапе максимум. Надо искать глазами место вероятной высадки.

– Саша, смотри. Колин самолет дымит. Двигатель дымит и правое крыло тоже пострадало. Они снижают машину, судя по всему будут садиться брюхом. Надо прикрыть их и самим садиться, иначе уготована судьба еще хуже.

– Открываю огонь по переднему самолету, вроде минуту назад я ему чем-то навредила. Клонит тоже. Это хорошо. У нас есть пара минут, другие пока еще далеко. Задние только гады огрызаются.

– О, нас начало трогать. Свистит рядом. Вроде крыло левое слегка покосило. Все, давай на лесополосу.

– Черт, их самолет все ниже и ниже. Снижаемся резко!

– Смотри, поле есть, можно попробовать. Они туда пытаются пикировать – и это наш способ. Если правильно посадим, можно будет оторваться. Готовь пока пистолеты на всякий случай, – велел я.

Снижаемся, снижаемся, увидели в пилотной кабине Колю, машет рукой – дает знак, что сейчас будет садиться. Нас вдавливают в кресло, Марго идет на резкое снижение.

– Резко ввысь для отвлечения. Уши закладывает – мама не горюй. Марго у пулемета, огонь – тот самый самолет горит! Второй на подбитие! Поворот вправо – и отсекаем два самолета огнем. Боеприпасы?

– Нет их. Нечем стрелять.

– Садимся. У нас есть минута, затем покидаем машины и бежим в лесополосу. Так у нас будет шанс не получить свинца в спину.

– Предлагаю сделать «ножницы», они у нас на хвосте, делаем манёвр, они вряд ли повторят, зайдем на крутой вираж, затем сможем атаковать!

– Давай попробуем! Хорошо! – сказал я. Второй самолет сел – задымление там продолжается, вижу живых наших, пытаются вылезти из кабины. Мы рядом.

– Делаем напоследок еще один манёвр на высоте примерно в сотню метров.

– Заходим на вираж, вновь атакуем. Сами от себя в шоке, стрелять почти нечем. Одна лента – это на секунды. Договариваюсь с Марго стрелять только по команде. Керосина мало.

– Отлично, меньше шанса загореться, – излишне оптимистически говорю я.

Как по методичке, в лоб видим самолет – говорю "огонь", мгновенье – и через триста метров пробивается стекло кабины вражеского самолета.

– В яблочко, Марго! Остальные самолеты еще далеко, прекрасный момент снижать скорость и идти на посадку.

Эти секунды помню до сих пор, летал ведь и позже. Но тогда, впервые адреналин буквально вырывался из нашего тела вместе с сердцем.

– Заходим на снижение, вроде оторвались прилично.

Наконец, сели, скорость небольшая, километров сто, семьдесят, шестьдесят, снижаемся до двадцати метров, болезненное ощущение, удар, сели. Секунда – быстро вылетаем. К тому времени ребята бегут к нам навстречу. Мы в формах летчиков, скидываем с себя лишнее, бегом в лесополосу, в руках по пистолету и все. Слышно, как падает тот самый самолет, кото-

рый мы так удачно подбили всего полминуты назад. Взрыв примерно в трех сотнях шагов. Свист, начинается обкладывание нашей территории при помощи мин, припасенных противником. Они желают отомстить, бьют пока даже не по тому месту, где мы находимся. Овраг – перебежка, лес – перебежка. Сердце болит, пульс сумасшедший, нога болит, тело еле чувствую. Бежим, как загнанные звери. Валун, и несколько сосен, и небольшой овраг, упали, залегли. Отдышались три минуты, дальше бегом, самолеты явно в небе, слепой обстрел. Ветки хлещут в лицо, которое уже расцарапано до крови, тело болит от ушибов после жесткого приземления, но все заглушается жаждой жизни, такой сильной и доминирующей, что продолжаешь бежать вперед, несмотря на все препятствия. Падаю, поднимаюсь, бегу, бегу. Куда бежать – не понятно, от фронта, судя по всему, мы довольно далеко, километрах в пятидесяти, если не больше. Вытащил ручной компас, все происходило как в тумане, вроде на север бежим. Плохо, а хотелось бы на юг. Удаляемся от своих. Позади слышен взрыв машины Николая и Георгия, наш тоже дымит.

– Хорошо, так лучше, будут считать нас погибшими и прекратят погоню – сказала Маргарита.

Пробежали километр, деревушка, много вечнозеленых деревьев, кажется, бук и лиственница еще. Красивые деревья, бежим. Остается всего чуть-чуть, но тут Маргарита сдает и падает навзничь. Ноги ватные, вновь отдых. Самолеты летают. Погоня продолжается.

– Я не могу больше двигаться, нет сил, простите, идите дальше без меня, тяжелым дыханием ответила Рита.

Решаемся взять ее на себя, закидываем на плечо, благо она весила немного, и видим, как со стороны ближайших к нам домов бежит человек десять солдат.

– Черт, мы от них не отстреляемся, спрячемся за этот камень. Попробуем. Ждем сближения с врагом, ибо с большой дистанции пистолет теряет убойную силу.

Стрельба. Без толку. Минут десять стреляем, но, увы, наш окружают... Все потеряно, сейчас нас или убьют, или начнут сильно пытать и позже убьют.

– Сдаемся...

– Или изнасилуют, – засмеялась ядовито Марго, похоже она была в бреду, на лбу выступила испарина, лицо было мертвенно – бледным. Возможно, она отравилась от выхлопа. В те годы все могло быть.

– Пихают ружьями в спину, заставляют идти. Что-то говорят, мы молчим, не сдаем свою национальность. Ведут к ближайшему сараю.

– Понятное дело, они поймут, кто мы. Но тогда нам будет еще хуже, – шепчемся.

– Сбежать не удастся, по крайней мере сейчас. Сил никаких, их много. Нас буквально кинули в стог сена внутри сарая и начали внимательно осматривать.

– Разве что-то может быть хуже? Вера одна, что нас будут искать, наш самолет... не поверят в нашу гибель... – Снова закрыла глаза Рита.

– Нас убьют, это понятно, – отрезал Георгий. Как я понял, на нас четвертых три сбитых самолета фаланги. Таких потерь они еще не получали.

– С гордостью примем смерть вместе, раз не можем иметь право на жизнь. Еще поборемся, – сказал я.

– И то верно, смотри как они на нас смотрят, хотели бы – сразу бы убили. А мы еще на русском говорим, видать, интерес есть какой. Может, обмен устроят, – сказал Николай.

– Хотели бы убить, давно бы сделали это, а не тащили в грязный сарай. Из нас явно будут выведывать военные тайны.

– Ох, какие тайны мы знаем? Все будет хорошо, главное не отчаивайтесь, ребята, – постарался успокоить я.

– Почти что никаких, – засмеялась истерически девушка, – но разве это их остановит? Лучше рассказать все, что мы знаем.

– Лучше ничего не говорить, а что мы знаем? Мы – добровольцы, они только за это нас порежут.

– Ждём в спокойном режиме времени своего, видать, они сейчас шишку важную привезут и переводчика.

Засуетились наши невольные надзиратели.

– Противные какие, фу, грязь одна. Вы гляньте на их формы – и это они, негодяи, против народной власти? Маргиналы.

– Мне уже все равно, я забыла, за что мы сражались на чужой земле...—Марго становилось все хуже.

– Да прекрати ты, мы воюем за наш мир, без таких, как эти, – отвечаю ей.

– Эти? А кто они такие, и чем плохи? Такие же люди, имеют две руки, две ноги, кто сказал нам, что они враги? Может, все не так, как нам рассказывали. Ах, прости, я говорю какой-то бред, – снова болезненно рассмеялась. – Страх поборол во мне разум, но я обязательно справлюсь...

– Ты просто устала, мы все понимаем. Ждём судного часа.

– Надеемся на лучшее, – подбодрил Коля. – Как жаль, что у нас не было собственного станкового пулемета, я бы с рук покормили их свинцом, да, увы, на сеновале в окружении данных юнцов...

– Хорош рассуждения, все уже случилось, – прервал Жора.

– Такое странно ощущение... как будто дежа-вю... я сейчас увидела тебя в старости, и ты почти не изменился, значит, еще для тебя не все потеряно, держись, отсюда есть выход...

Послышался звук мотора. Судя по всему, легкого мотоциклетного двухтактного. Да, это был не грузовик и не автомобиль, больше похоже на мотоцикл. Услышали шаги – оглянулись и надзиратели. Через пару мгновений услышали и звук двигателя большой машины. Открылась дверь. Увидели трех человек – троих мужчин среднего возраста. Нас заставили встать, повели в соседнее строение, принудили спуститься в подвал. Как только зашли в него, услышали сверху шаги и речь на испанском. Красивый язык и люди красивые. Но это враг. Увы и ах. Подвал был большим, сырым и холодным.

Маргарита, совершенно обессиленная от погони, долгого времени без еды, а также усиливающейся лихорадки, рухнула навзничь после легкого подталкивания франкистом в спину. Ее нам не позволили поднять. Подло. А только пихнули в живот, как собаку. Хорошо, она не ждала ребенка, иначе бы тут же лишилась его. Сжав зубы, процессия направилась дальше. Марго кое-как поднялась сама, корчась от боли.

Люди в синих рубашках едва сдерживали ненависть к нам, ведь совсем недавно мы палили по ним и могли сбить их самолеты. Мы, по сути чужаки на их земле, вмешались во внутренний конфликт, в пожар гражданской войны. Как объяснить им наше присутствие? Если бы даже не существовал языковой барьер, а он был, мы бы не смогли подобрать слова. Чужие в чужой стране.

Их мотивация оставить нас в живых не вызвала иного толкования, кроме как выяснить расположения наших частей и расстановку сил, тактику боя. Это предположение вскоре и подтвердилось: нам сунули карту местности и отдельными словами на русском повелительным тоном потребовали выдать наших.

– Это невозможно, нет! Лучше смерть, чем предать своих же товарищей. Страх перед пытками был велик, к тому же... с нами девушка, наша Марго... Но мы твердо решили умереть, но не подставить, не опозорить честь родины и наших ребят, которым повезло чуть больше, чем нам сейчас. Умирать, так с честью.

Пододвинули они эту карту и ко мне. Развязали руки – и моментально я сорвался и начал рвать карту. Потом удар – не помню ничего. Как оказалось, меня ударили по голове каким-то предметом. Это сказал мне уже Георгий, который также за непослушание получил в бок кулаком.

– Откуда этот мерзавец разговаривает на русском языке? Ну понятно, что с акцентом, но все же. Как они так узнали быстро и привели его к нам... – подумал тогда я.

После тщетности попыток, нас поволокли по разным отсекам подвала, стенки были сооружены из подручных материалов, практически тканевые ширмы, чуть плотнее, из брезента, вероятно. И стали вести допрос по отдельности. Последнее, что видели ребята, пока еще были друг с другом, это то, как Маргариту окружили несколько солдат и порвали на ней кофту. Этот трест рвущейся материи, падающие на пол с особым звоном пуговицы, женские всхлипы попеременно с соплями и неконтролируемым потоком слез – этого они не забудут никогда. Погружение в темноту – в отсеках не было окон – и резкий ламповый свет в глаза причинил боль зрению. Нам четко дали понять, что мучение соратницы не прекратятся до тех пор, пока они не получат желаемого.

– Что вы от нас то хотите? Гляко Боже, зачем все это? Убивайте нас уже тогда что ли или нет, – сказал в сердцах Георгий.

– *Лучше вам дать местоукасение ваших военных и техники на территории Испании, а также рассказать подровную тактику боя, какие басы совирались атаковать. В обмен на это вам сохранят шисьн и вы вудете отпушены домой, на рродину.*

Тем временем за соседней стенкой послышалась пощечина, звуки борьбы и женские вскрики.

– Стойте, стойте, прекратите это, – заговорил Николай, который давно и по уши был неравнодушен к Марго, – если я – тут у него пересохло горло и стало трудно произносить слова, ведь, немудрено дело, предательство! – если я расскажу все, что знаю, что вы хотите, вы... отпустите ее?

– *Конешно, конешно, отпустим вашу сеньорритту, покасьвай все.*

Николай молча ткнул на какие-то участки на карте и показал направление боя. Франкисты довольно закивали, но Марго не замолкала, были слышны звуки побоев и падения истерзанного тела на пол и удары о стену.

– Отпустите ее, вы же обещали!

– *Нушели? Обешания врагу нишего не стоят, вы пришли к нам с войной, её и получайте.* Дальше был удар, который вырубил на несколько часов.

С другими пытаемыми была та же дилемма: рассказывать и иметь призрачный шанс на спасение или молчать и умирать.

Мне был предложен еще более бесчеловечный выбор: обменять себя или Марго на троих наших! И тыкнули списком, уверяя, что все остальные уже приняли это предложение. Но я не поверил, не могло такого быть, не так нас воспитывали, не предателями. Как можно спасти себя, подставив других, да еще и троих человек? Только изверг мог придумать такую извращенную затею.

Эмоции не взяли верх, о чем я буду корить себя будут всю жизнь. Но выбора и не было: дорогой тебе человек или твои товарищи. Вот так бывает: исполняешь свой долг, а сердце разрывает от боли и отчаяния. Но солдат – защитник родины все же победил в нас простого человека. Что выдал им Николай и как это повлияло на дальнейший исход боев – история умалчивает.

Новый 1937-й год мы встретили в подвальчике, как и грядущие двадцать четыре дня. Говорить об этом времени не хочется, вспоминать особо нечего. Крысы, мыши, грязь и сырость, а еще звук дождя. После этого я перестал его любить и стал скорее ненавидеть. В ту пору в Испании шли сильные дожди – опостылел этот звук, абсолютно заунывный и угнетающий, так же как и периодические пытки и издевательства будущих франкистов, а попросту фашистов. Тех, кого мы встретим через четыре года, но уже на своей земле, говорящих на немецком, итальянском, да и на испанском тоже.

Мы были в далекой Испании, но тогда не смогли до конца разбить зарождавшуюся гидру, которая боролась с нашими идеологическими братьями. И вот свершилось чудо. Двадцать пятого января, нас спасли наши. Через обмен военнопленными. Но без Маргариты. Тогда, в первый день плена, мы видели ее в последний раз, слышали звуки пыток и ее стоны отчаяния, но ничего не смогли сделать. Я не хочу даже говорить о том, как смотрел на нее тот самый испанец, и думать о том, что он сделал с ней наверняка в тот вечер. Ее не был в списках обмена пленных, как и в списках погибших, она пропала, как будто и не пересекала границ Испании – кстати об этом нам запретили говорить навсегда, но так как больше нет страны нашей, то и я все же скажу это. Нас обменяли на севере Мадрида, на местных фалангистов и двух европейцев со стороны республики. Спустя два дня мы летели на самолетах назад. С нами поработали силовики, долго допрашивали, подозревали как перебежчиков, но все обошлось. Нас освободили и приказали молчать. Дали работу, к удивлению, не сгноили в лагерях. Маргариту официально признали без вести пропавшей. Запили мы, помню, тогда, ничем иным не удавалось заглушить тоску. А Дальше начались чистки в городе. Как и говорил я, коснулось моего отца и родственников остальных.

Sin parar, sin parar la lluvia caéra
Como lágrimas de una estrella, como lágrimas de una estrella
Sin para, sin parar la lluvia dirá
Cuan frágiles somos, cuan frágiles somos.

Sin parar, sin parar la lluvia caéra
Como lágrimas de una estrella, como lágrimas de una estrella
Sin para, sin parar la lluvia dirá
Cuan frágiles somos, cuan frágiles somos.

Вновь и вновь прольётся дождь,
Как звёздных слёз река,
Как звёздных слёз река...

Вновь и вновь расскажет дождь,
Как наша жизнь хрупка,
Как наша жизнь хрупка...

Часть 2. "42"

Боль прошлого.

Август 1942-го. Шел второй год войны за нашу родину и битва за город Сталинград. Задача была контратаковать противника, не дать собрать силы для атаки на город, а также максимально нарушить воздушное снабжение войск противника. Георгий, Николай и Александр управляли дальним бомбардировщиком ДБ-3. Александр выполнял роль пилота, Николай – штурмана, а Георгию досталась задача борт–стрелка. Боеприпасов катастрофически не хватало, потому экономии, как могли.

Это был один из последних или, как говорят на Поволжье, крайних дней последнего летнего месяца – августа. Мы отступали катастрофически... Никто и подумать не мог еще весной, что противник сможет дойти до Волги.

Группа армии "Дон" все дальше и дальше прорывала брешь в обороне. Если под Москвой противник отступил в ходе зимнего контрнаступления, да и в других частях фронта ситуация более–менее стабилизировалась, то тут был крах.

Так и в тот день – мы проводили боевой вылет скорее с целью разведки территории, утерянной нами примерно неделю назад. На недокомплекте боеприпасов и при неполных баках направились туда. К счастью, не встретили ни в воздухе, ни на земле ощутимых сил противника.

Жара стояла в тот день несусветная. Ну а что же нам? У нас и летом, и зимой всё по максимуму. Провели полет по дороге Морозовск – Тацинская. Вроде ничего – заметили, не хотели нарываться – на одном самолете особо не повоюешь. Повернули на север – и тут пришло осознание: а прибор-то у нас топливомерный – неправильно отображает картину, мало того, если бы в меньшую сторону, так нет, в большую! Он у нас стрелочным был, стрелка гуляет – признак того, что явно не хватает топлива. Примитивные механизмы тогда были, хотя машина неплохая, по сравнению с теми же ИЖ-ками. Лучше, и шасси не дергает, как тогда...

– Не долетим, – сказал я. – Боюсь, не долетим, надо подлететь как можно ближе к нашей территории, хотя она и так вся наша... И экстренно садить самолет, а дальше уже пешком идти.

Да вот местность пока неподходящая, да и далеко идти будет. Немцев видно. Да и они тоже нас заметили. Даже пальбу устраивают. Нам бы лесок – деревушку, а там, как назло, поле сплошное и явное присутствие противника. Их тентованные грузовики, кое-где и бронетехника в наспех созданных капонирах.

Набираем высоту, а то и с зениток стрелять начнут, затеряться бы. Заодно летим и аэрофотосъемку делаем – Жора пытается. Конечно, мы не профи, но хоть что-то зафиксировать удастся. Раз такую функцию нам поручили. Ей Богу, смешно, все смешалось из-за войны этой.

Отработали цель – ну не могли не отработать. Три машины стояло – да в глуши какой-то. Пикник гребанные фрицы у реки устроили. Ну мы и помогли им. Пришлось правда завернуть еще, крюк сделать. А керосина-то немного, совсем немного, по нашим расчетам, километров на тридцать хватит. Надо садить. А мы тут еще спровоцировали. С одной стороны, неправильно сделали, а с другой...

И да, нравится нам местность, снижаемся, с самолетом приходится распрощаться, убьется нафиг, по крайней мере днище точно убьется, топлива мало – надемся, что не загорится. Надо будет повторить опыт Испании, только без плена...

Планируем, планируем, вроде бы тишина, в округе две деревеньки верстах в пяти, надемся, там немцев нет, и они не услышат наше "приземление".

Дальше и говорить не буду, сели чудом без травм, машину побило сильно, сели прямо на кустистую полосу брюхом, сами удивились тому, что получилось так. Вылезли. Мотор заглушили, его тоже задело, шумы прибавились. Вылезти оказалось не так легко, как сесть даже. Пока лезли перецарапались все – то, оказывается, полоса кустов терна была. Всех птиц перепугали...

Это был второй и последний раз, когда мы так опасно шли на посадку. Больше такого не было и быть не могло – была бы гарантированная смерть. Машины стали более громоздкими и появилась реактивная тяга – при таких условиях заставить сесть машину сродни героическим усилиям. Нет, и это тоже было нелегко. Сколько случаев взрыва и иных повреждений, приводивших к гибели экипажа, но тогда еще, в то время, удачный исход был вероятнее, нежели чем сейчас. Позже на смену такому способу пришли катапульты, раньше их просто в нормальном виде и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.